

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.13>

УДК 94(5)“1918”

ББК 63.3(5)6

ТРАПЕЗУНДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТРИУМФ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ¹

Архипова Екатерина Владимировна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения,
Волгоградский государственный университет
arkhipovakv@yandex.ru, nnsh@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа архивных материалов Национального архива Армении в статье определяются дипломатические результаты Трапезундской мирной конференции (март – апрель 1918 года). Выявлены причины дипломатического успеха делегации Оттоманского правительства и влияние национальных интересов на дипломатическое поражение Закавказской мирной делегации.

Ключевые слова: Закавказский Сейм, мирные переговоры, Первая мировая война, Турция, пограничные споры, национальные интересы.

В историю развития Южнокавказских государств Трапезундская конференция вошла как достаточно проходное событие, мирная конференция, закончившаяся без важных результатов.

После октябрьских событий 1917 г. в Петрограде политические силы Закавказья в течение месяца консолидировались вокруг Закавказского комиссариата, созданного 18 ноября (1 декабря) 1917 г. для последующего участия в работе Всероссийского учредительного собрания. Поэтому комиссариат, расположенный в Тифлисе, включал в свой состав политические партии, представляющие интересы разных народов Южного Кавказа. В связи с роспуском Всероссийского учредительного собрания члены комиссариата вернулись в регион. В качестве законодательного органа в феврале 1918 г. ими был созван Закавказский сейм. В его составе были представлены наиболее активные партии региона – такие как грузинская социал-демократическая фракция (меньшевиков), мусульманская фракция (Мусават и беспартийные, мусуль-

манский социалистический блок, «Мусульманство в России – Иттихад»), дашнакская фракция («Дашнакцутюн», «Народная Свобода»), правые эсеры, национал-демократы, большевики-гумметисты. Уже начиная с марта 1917 г. эти и другие партии пробовали свои силы на политической арене региона в рамках Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМа), предлагая разные национально-территориальные проекты, однако общая цель – неподчинение СНК РСФСР – позволила указанным партиям объединиться и создать региональное коалиционное правительство [1, с. 18–37, 48–49]. Видимо, наличие общего врага в лице большевиков заставило различные национальные силы армян, грузин и азербайджанцев пойти на компромисс и задуматься о создании общего правительства.

Во главе Закавказского правительства, сформированного Сеймом, встал Е.П. Гегечкори. И первые политические вопросы, которые пришлось решать новому правительству, были внешнеполитическими. Уже 5 декабря 1917 г. в Эрзинджане было заключено сепаратное со-

глашение о перемирии с Турцией. 14 января правительству Закавказья было предложено начать переговоры о заключении мира.

Вопрос о результатах Трапезундской конференции получил освещение в работах региональных исследователей, которые отмечали, что Брест-Литовский мирный договор, заключенный до переговоров в Трапезунде, не просто стал неожиданностью для закавказской делегации, но и был тяжелейшим предательством интересов народов Закавказья [1, с. 48–52; 3, с. 48–61; 4].

В каких же условиях осуществлялась подготовка к переговорам в Трапезунде?

Российская армия отступала повсеместно перед турецкими войсками, оставляя оружие, боеприпасы, сдавая крепости, как завоеванные после 1914 года (Эрзерум, Трапезунд, Ван, Эрзинджан, Битлис), так и взятые ранее (Карс, Батум, Ардаган – российские с 1878 года). Оружие переходило в руки местному населению и наступающей турецкой армии. При этом азербайджанская сторона обращала внимание на то, что русская армия оставляла оружие предпочтительнее местным христианам, а не мусульманам, ставя их в неравное положение [6, л. 1–23 об.].

В составе российской армии служили и представители закавказских народов. В условиях отступления русской армии они все-таки пытались препятствовать продвижению турецких сил. Как отмечает общественно-политический деятель Азербайджанской Демократической Республики Р.А. Векилов, «неопытные армянские воинские части не могли задержать начавшегося наступления турецких войск даже у крепости Эрзерума» [2, с. 9].

Железнодорожное сообщение в регионе в этот период было организовано таким образом, что возвращавшиеся в фронтов Первой мировой войны солдаты волей-неволей оседали в Баку, дестабилизируя там обстановку. Во-первых, география железнодорожных путей сделала Баку важной транспортной развязкой, так как через него пролегал тогда единственный железнодорожный путь, связывающий Закавказье с Россией, а из Баку далее функционировало направление на Тифлис и далее в Александрополь или Самтредиа. Во-вторых, после октябрьских событий в Петрограде Тифлиские железнодорожные компании

остановили обслуживание как путей, так и составов, полностью блокировав железнодорожное сообщение в регионе. По замечанию авторов работы «Азербайджанская Демократическая Республика», бывшие военные «предпочитали оставаться в Баку, ибо на родине их ждали голод и разруха» [1, с. 53]. Таким образом, Баку становился центром, где сосредоточивались наиболее маргинальные элементы со всего края, имевшие оружие на руках; объединившись с бакинским пролетариатом (в основном этническими русскими и армянами), впоследствии они составили основную силу, провозгласившую власть Советов в Баку.

Важной социальной группой, определившей не только судьбу Армении, но и судьбу всего региона, были армянские беженцы из Турции. Вопрос о национальной политике Турции эпохи 1896–1915 гг. до сих пор вызывает научные и политические споры о терминологии. Бесспорным признается тот факт, что состоялось истребление большого количества населения в соответствии с его этнической принадлежностью. В результате этих событий часть армян покинула Турцию, направляясь в разные части света, в том числе и в российском направлении. Успехи русского оружия на Кавказе с 1915 г. вселяли уверенность в благополучной судьбе армян, а при отступлении русской армии с 1917 г. этим же людям пришлось уходить дальше, в пределы Закавказских губерний распадающейся империи. В результате к началу 1918 г. Закавказский край был наполнен не только элементами разложившейся армии, но и нищими беженцами-армянами.

Вообще представляется сложным в подобных условиях сохранять власть в руках такого разношерстного объединения, как Закавказский Сейм. Тем не менее для выживания всех жителей региона этому институту приходилось решать не только внутривнутриполитические, но и дипломатические задачи.

Консолидированное решение, с каким делегация должна была выступить на мирных переговорах, предполагало правомочность Закавказского правительства заключить мирный договор с иностранным государством с восстановлением межгосударственных границ 1914 г.; выдвижение требований предоставления права на самоопределение для Восточ-

ной Анатолии, в первую очередь для Турецкой Армении в составе Турецкого государства. Это требование было сформулировано для того, чтобы сократить количество беженцев из Западной Армении в регионе. При обсуждении предстоящей позиции Закавказской делегации на конференции был поднят вопрос о возможности вхождения Закавказских республик в состав Турецкой Федерации, на что азербайджанская делегация Сейма ответила отказом от любой формы интеграции с Турцией [3, с. 46].

Закавказский Сейм избрал Трапезунд как нейтральную зону для переговоров, чтобы ни одна из сторон не имела территориального преимущества во время переговоров [6, л. 1–23 об.]. Однако из-за условий Брест-Литовского мирного договора, по которому Россия уступала Турции Карскую и Батумскую области, турецкие войска до начала конференции заняли этот город. В этой ситуации делегатам Заксейма пришлось почувствовать себя гостями Турции.

Состав делегации описан в работе «Азербайджанская Демократическая Республика»: «Делегация для переговоров была подобрана как группа политиков, представлявших парламентские фракции от трех закавказских национальностей. Во главе ее стоял грузин – Акакий Чхенкели» [1, с. 50].

Историк Ю.Г. Фельштинский отмечает, что члены Закавказского сейма были осведомлены о сути Брестских переговоров еще 27 февраля. «В своем выступлении 28 февраля социал-демократ Ной Жордания сказал, что теперь еще больше оборваны нити, связывавшие Закавказье с Россией, и предложил Сейму объявить себя закавказским Учредительным собранием и добиваться заключения сепаратного мира с Турцией. Жордания добавил, что “такой мир, какой подписали в Петрограде большевики”, Закавказье не подпишет» [7, с. 316].

Трапезундская конференция открылась 1 марта (14 марта) 1918 г. в 3 часа дня. Закавказской делегации пришлось ожидать практически на месте ее открытия 11 дней из-за подписания Россией Брестского мира. Затягивание начала переговоров было необходимо Турции, так как единственный для нее серьезный оппонент в регионе – Россия – возвращал ей ранее утраченные земли. Теперь при переговорах с Закавказской делегацией у турецкой сто-

роны в руках был серьезный козырь. Более того, владея бесспорно Трапезундом, председатель турецкой делегации мог претендовать на должность председателя конференции.

И действительно, председатель Оттоманской делегации, капитан первого ранга начальник штаба императорского морского департамента Гусейн Рауф-бей уже с первого дня переговоров, выступая и как председатель конференции, определял ход переговоров и последовательность обсуждаемых вопросов [5].

В своем приветственном слове он выказал удовлетворение, что народы Закавказья после падения царизма двигаются по пути независимости. Затем он подчеркнул общность судеб закавказских народов и Турции: «Ввиду того, что все военные действия, ведшиеся нами в течение 200 лет против царизма, были войнами оборонительными, против наших стран, я думаю, что наши общие судьбы связывались все более и более в течение этой общей славной истории... Во всяком случае, я уверен, что все мы здесь считаем падение разделявшего нас препятствия явлением гораздо более важным, чем наиболее выдающийся дипломатический успех; ибо узы, связующие нас, являются отношениями не только историческими и географическими, но скорее родственными связями, вытекающими из нашего общего прошлого. Впрочем, именно поэтому народы Кавказа и Турции состоят ныне из одних и тех же религий и наций и имеют почти одинаковую историю...» [5, л. 1].

Достаточно сложно представить такое единение сегодня, спустя почти сто лет после тех событий, однако и тогда эти слова должны были показаться членам Закавказской делегации не совсем соответствующими действительности. Несмотря на присутствие на территории Оттоманской империи армян, татар (как тогда называли азербайджанцев, которые больше имели отношение к Персии, чем к Турции), вряд ли грузинским и армянским представителям могла понравиться мысль об общности судеб в будущем, учитывая политику турецких властей по отношению к христианам начиная с 1896 года.

Вероятно, сравнению мог поддаваться многонациональный состав Турции и Закавказской республики. Однако последняя объеди-

няла грузин, которые в свое время во избежание присоединения к Османской империи и Персии обратились к властям Российской империи за помощью; армян, которые бежали из Турции на территорию Ереванской губернии, отвоеванной у Персии; то есть те народы, которые в условиях наступления турецкой армии в регионе стремились во что бы то ни стало остановить распространение турецкого влияния и договориться о прекращении военных действий.

Далее Рауф-бей определил протокольные вопросы конференции, установив, что представитель Турции является постоянным председателем заседаний [5, л. 2]. И на этих правах он стал определять ход конференции. Рауф-бей зачитал письменное предложение Оттоманской делегации: «Делегация Оттоманского императорского правительства имеет честь заявить, что ее правительство питает искренние намерения установить добрососедские отношения с Республикой, находящейся в процессе образования в Закавказье. Оттоманская делегация просит Закавказскую делегацию сделать ей точные декларации относительно сущности, формы, политической и административной организации означенной Республики, и спрашивает, выполнила ли последняя условия, которые требуются международным правом при образовании государства» [там же, л. 3]. С одной стороны, понятно стремление турецкой делегации удостовериться, что она ведет переговоры с легитимным правительством, поэтому она фактически требует если еще не факта международного признания Закавказской республики, то, по крайней мере, определенные шаги в этом направлении. Но с другой стороны, представляется очевидным, что турецкое правительство имело представление о политическом развитии в регионе, о том, какие партии были представлены в правительстве, какие территории оно контролировало.

После вечерних обсуждений Закавказская делегация сформировала ответ, озвученный 2 марта (15 марта н. ст.) на заседании Трапезундской конференции, открывшемся в 3 часа дня: «Вопрос о сущности, форме правления, политической и административной организации Закавказья поставлен на очередь единственно правомочным на его разрешение органом – Закавказским Сеймом, созданным

свободным волеизъявлением народов на основе всеобщего избирательного права. С момента большевистского переворота (27 октября старого стиля 1917 г.) на территории Закавказья прекратилось действие центральной российской власти и возникло новое самостоятельное правительство, ныне ответственное перед Сеймом. Это Правительство Закавказья вступило в сферу международных отношений, приняв предложение Оттоманского Правительства войти с ним в самостоятельные переговоры о заключении мира. Впоследствии Сейм и Правительство Закавказья сделали дальнейший шаг в этом направлении, разослав телеграфный протест Министрам иностранных дел воюющих держав против Брест-Литовского мира в части, касающейся Закавказья, и признав договор, заключенный без их ведома и одобрения, лишенным всякого значения с точки зрения международного права и необязательным для себя. Настоящая мирная конференция в Трапезунде является актом международной правовой жизни.

Таким образом, Закавказье *de facto* уже представляет из себя государство, хотя еще не декларировало и не сделало нотификации державам о своей независимости» [5, л. 4–6 об.].

Безусловно, такой ответ и нужен был турецкой делегации, ведь таким образом закавказские представители признали, что не имеют права оспаривать условия Брест-Литовского мира, ведь на момент его подписания другого государства, кроме России, в регионе не было.

Реакцию членов Закавказской мирной делегации можно проследить по протоколам ее заседания того же дня. Делегаты осознали, что Турция вынуждает их объявить о своей независимости. М.Я. Мехтиев предположил, что турецкое правительство «кровно заинтересовано» в скорейшем заключении мира, поэтому необходимо обратиться к Правительству Закавказской республики за разрешением сделать такое объявление [6, л. 23–24 об.]. Но из обсуждения не видно, связывают ли члены делегации вопрос провозглашения и признания с вопросом признания Закавказьем Брест-Литовского мира.

На заседании, открывшемся в 5 часов вечера 3 (15) марта, турецкая делегация не замедлила задать следующий неловкий для

Закавказской делегации вопрос: определить границы территории Закавказья [5, л. 7]. А это значило, что нужно было определиться, имеются ли у Закавказской республики территориальные претензии к Турции, которая развивает в тот момент успешное наступление в регионе, или Закавказская делегация должна была признать условия Брест-Литовского мира.

Рауф-бей повел дипломатическое наступление и по вопросу о легитимности Брест-Литовских условий, и существования другого государства в регионе, чьи интересы могли быть нарушены договором. В частности, он заявил: «Имперская Оттоманская Делегация считает своим долгом утверждать, что, нисколько не упуская из виду правил международного публичного права, в силу которого договоры, заключенные между двумя государствами, не должны иметь никакого действия по отношению к третьему государству, – необходимо, чтобы это последнее, дабы могло воспользоваться этим правилом, образовалось соответственно принципам международного права и чтобы оно приняло меры к признанию со стороны всех других держав. Само собой разумеется, что признание не может вовсе иметь обратной силы. Между тем Правительство Закавказья даже не было конструировано и во время переговоров в Брест-Литовске, и ничего не сделало до сих пор для признания своей независимости со стороны других держав. Что же касается неучастия делегатов Закавказья на конференции в Брест-Литовске, то само собой ясно, что именно несуществованием на Кавказе независимого государства во время указанным переговоров и объясняется поведение Закавказского Правительства, считавшего себя членом Российской Федеративной Республики, а также его воздержание от посылки своих представителей на конференцию... Оттоманское Императорское Правительство, узнав во время военных действий против России об образовании государства в Закавказье и о намерениях этого последнего отдалиться от России, выразило желание познакомиться с ним и вступить в добрососедские с ним отношения. Впрочем, до настоящего времени на Кавказском фронте стояла исключительно только русская армия» [5, л. 7].

Закавказская делегация вынуждена была рассматривать вопрос о самопровозглашении очень серьезно, но как видно из вечернего обсуждения на совещании, признание о провозглашении независимости во время переговоров в Бресте самими же делегатами рассматривалось как сепаратизм. Так, грузинский делегат Г.Г. Вешапели заявил: «Для ответа на вопросы Оттоманской делегации о границах, языке, религии, форме правительства и отношении Закавказья к Турции необходимо выяснить политические взаимоотношения народов Закавказья и выработать такую межнациональную платформу, опираясь на которую можно было бы заключить с Турцией мирный договор. Пытаться аннулировать Брестский договор простым непризнанием Российского большевистского правительства значит рискнуть очутиться в положении повстанцев» [6, л. 26].

На заседании конференции 7 (20) марта Закавказская делегация была вынуждена сделать заявление с определением собственной территории: «В территорию Закавказского государства входят губернии: Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, Тифлисская, Кутаисская, области: Батумская и Карская, округа: Сухумский и Закатальский; вопрос о включении Дагестанской области и Черноморской губернии остается открытым впредь до делегирования представителей в Закавказский Сейм» [5, л. 10]. Таким образом, делегация показала, что не согласна с условиями Брестского соглашения и претендует на Карский и Батумский округа. Поэтому в ответ Рауф-бей настаивал на соблюдении условий этого мира.

Интересно отметить, что во время вечернего обсуждения хода переговоров в выступлениях делегатов уже звучит сомнение в целесообразности единства народов Закавказья [6, л. 43–53 об.]. Связано это было с тем, что вопрос о принадлежности Карской и Батумской областей был важен для армян или грузин, в то время как азербайджанские делегаты предлагали согласиться на турецкие условия и оставить эти территории. Кроме того, делегаты становились свидетелями «лихорадочной военной подготовки» турецких войск. Поэтому А.И. Чхенкели предложил приостановить переговоры и заявил о невоз-

возможности сохранения единства делегации: «Вначале я был оптимистически настроен, но теперь прихожу к тому выводу, что единственный выход из этого тупика, предоставление каждой народности Закавказья возможности самой выяснить свою позицию и положение в отношении стоящих перед нами вопросов... Обратите внимание, что в то время, как один пункт наших требований устраивает одну национальность, в то же время задевает интересы другой, и устраивая вторую – не вяжется с интересами третьей, и т. д. Войска уже стоят на границе...» [6, л. 43]. Таким образом, твердая позиция занятая турецкими представителями по вопросу о признании Брест-Литовского мира, подкреплённая демонстрацией военной силы, фактически заставила членов Закавказской делегации определиться с собственными интересами, осознать, что интересы расходятся, и в итоге расколоть Закавказскую республику на три республики, с которыми уже проще было договориться.

На заседании 8 (21) марта А.И. Чхенкели повторил первоначальную позицию Закавказской делегации (признание границ 1914 г., самоопределение народов Восточной Анатолии), на что Рауф-бей выразил протест против вмешательства во внутренние дела и потребовал отказаться от Карса, Ардагана и Батума.

Полную разобщённость интересов членов делегации демонстрирует протокол заседания мирной делегации 17 марта. Здесь уже озвучивается предложение снять требование об автономии Восточной Анатолии, учитывая твердость позиции Турции. Г.Б. Гвазава предложил сделать территориальные уступки, «начав [их] с таких округов, потеря которых не угрожает целостности Закавказья и которые более тяготеют к Турции. Таковы округа Ольты, Кагызман и Карс». На что Р.И. Качазнуни возразил, что «с таким же правом можно начать уступки с Батумской области» [6, л. 54]. Более взвешенную позицию демонстрирует А.И. Хатисов: «При уступке надо руководствоваться прежде всего общекавказскими, а уже потом национальными интересами.. И те, и другие интересы совпадают, поскольку дело идет о крепостях: Карс, Ардаган и Батум. Поэтому в первой стадии уступки должны ограничиваться территорией, лежащей к югу от этих крепостей. Если же Тур-

ция не откажется от Карса, то во всяком случае надо сохранить шоссе Артвин – Ардануч – Ардаган, а также восточную, армянскую часть Карской области» [6, л. 55].

А 19 марта при обсуждении возможных территориальных уступок делегаты начинают руководствоваться этническим признаком. Так, Т. Бунатьян отметил присутствие стратегического, экономического и этнографического факторов, но большее значение должен иметь последний, и далее он предложил сохранить Карский и Кагызманский округа, где большинство населения составляли армяне, греки и русские [6, л. 62–63 об.]. При этом М. Гяджинский настаивает на сохранении порта Батума в составе Закавказья, обращая внимание на его экономическое значение для продажи бакинской нефти, отметив, что азербайджанцы не будут воевать с турками [там же, л. 63–65 об.]. Это заявление вызвало бурную реакцию, и было высказано сомнение в целостности такого государства, где часть населения поддерживает агрессора. Г.Г. Вешапели и А.И. Чхенкели все же настаивали на том, чтобы при уступке территорий руководствоваться этническим принципом. А это значило, что район расселения аджарцев не должен был быть сдан Турции [там же, л. 65–71 об.]. В течение следующих заседаний решался вопрос, какими же территориями делегаты готовы были пожертвовать. Каждый делегат готов был уступить Турции чужие территории [там же, л. 73–95 об.]. В итоге на последнее заседание мирной делегации участники пришли с согласием о признании Брест-Литовского договора, несмотря на то, что Сейм был против.

На шестом заседании конференции 23 марта (5 апреля) А.И. Чхенкели предложил провести переговоры не только с Оттоманской делегацией, но и с представителями Четверного союза, подписавшими Брест-Литовский договор, а также высказал недоумение по поводу заявления Турции о «приобретенном» им праве на Батумский, Ардаганский и Карский санджаки [5, л. 15].

Заявив таким образом возражение, Чхенкели продемонстрировал затем готовность к уступке и зачитал описание предполагаемой границы. Закавказская делегация согласилась с переходом в руки Турции всего Ольтинского

округа, южной части Ардаганского, юго-западной части Карского и западной части Кагызманского округов [5, л. 15–16 об.].

На следующий день оттоманское представительство предъявило ультиматум фактически с требованием полного согласия с условиями Брестского мира. В это же время турецкая армия начала наступление. Руководителю делегации пришлось самостоятельно принимать решение, и по истечении срока ультиматума 10 апреля Закавказская делегация приняла его условия.

Таким образом, мирные переговоры были прерваны, можно считать, что конференция не удалась. И действительно, Закавказская делегация не смогла добиться положительного для себя решения ни по одному из пунктов своих требования. Турция же настояла на признании Закавказьем условий Брест-Литовского договора. Благодаря своей настойчивой позиции, своевременно задаваемым вопросам турецкая делегация способствовала осознанию закавказскими делегатами разницы своих интересов, а значит, ускорила раскол в Закавказской республике. Вероятно, именно это и можно отнести к главному достижению турецкой дипломатии, которую она подкрепляла военными действиями, продемонстрировав военную и дипломатическую жесткость.

В то же время заявления членов Закавказской делегации в их отношениях с Турцией выглядят несколько наивно, так как прослеживается вера в возможность «джентельменских соглашений». В частности, на заседании 8 (21) марта А.И. Чхенкели высказал такое предложение: «Я думаю, что завтра нужно было бы поговорить с представителем Оттоманской делегации искренно, чистосердечно, что делегация, не прекращая переговоров, намерена покинуть Трапезунд, т. к. находит его слишком неподходящим пунктом для переговоров, если Председателем Оттоманской делегации будет заявлено, что отъезд наш не будет рассматриваться как прекращение переговоров, то мы можем снова поставить вопрос на обсуждение и вынести определенное постановление по данному вопросу» [6, л. 43]. Так что можно считать, что Закавказская делегация приобрела важный дипломатический опыт общения с более мощным соседом, потеряв иллюзии о возможности соблюдения условий международных соглашений, тем более что в дальнейшем турецкие войска нарушили условия и Брестского мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 14-01-00399 «Роль региональных лидеров в формировании межгосударственных границ на Южном Кавказе в 1917–1925 гг.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербайджанская Демократическая Республика / отв. ред. Н. Агамалиева. – Баку : Элм, 1998. – 316 с.
2. Векилов, Р. А. История возникновения Азербайджанской Республики / Р. А. Векилов. – Баку : Элм, 1998. – 68 с.
3. Гасанлы, Дж. П. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 т. Т. 1. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) / Дж. П. Гасанлы. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 576 с.
4. Махмуриян, Г. Г. От Брест-Литовского мира к Мудросскому перемирию: история невыполненных договоров / Г. Г. Махмуриян // Вестник общественных наук. – 2013. – № 1 (637). – С. 21–39.
5. Национальный архив Армении (далее НАА). – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 168.
6. НАА. – Ф. 200. – Оп. 2. – Д. 190.
7. Фельштинский, Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир / Ю. Г. Фельштинский. – М. : ТЕРРА, 1992. – 657 с.

REFERENCES

1. Agamaliev N., ed. *Azerbaydzhanskaya Demokraticeskaja Respublika* [Azerbaijan Democratic Republic]. Baku, Elm Publ., 1998. 316 p.
2. Vekilov R.A. *Istoriya vozniknoveniya Azerbaydzhanskoy Respubliki* [The History of Azerbaijan Republic Emergence]. Baku, Elm Publ., 1998. 68 p.
3. Gasanly Dzh.P. *Istoriya diplomatii Azerbaydzhanskoy Respubliki. V 3 t. T. 1. Vneshnyaya politika Azerbaydzhanskoy Demokraticeskoy Respubliki* [The Diplomatic History of Azerbaijan Republic. In 3 vols. Vol. 1. Foreign Policy of Azerbaijan Democratic Republic]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 576 p.
4. Makhmuryan G.G. *Ot Brest-Litovskogo mira k Mudrosskomu peremiriyu: istoriya nevyopolnennykh dogovorov* [From The Brest Peace Conference to The Armistice of Mudros: The History of Unaccomplished Treaties]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*, 2013, no. 1 (637), pp. 21-39.

5. *Natsionalnyy arkhiv Armenii (dalee NAA)*
[National Armenian Archive (Hereinafter NAA)].
F. 200, Op. 2, D. 168.

6. *NAA* [NAA]. F. 200, Op. 2, D. 190.

7. Fel'shtinskiy Yu.G. *Krushenie mirovoy
revolyutsii. Brestskiy mir* [The Collapse of the World
Revolution: Brest Peace Treaty]. Moscow, TERRA
Publ., 1992. 657 p.

TREBIZOND CONFERENCE AS A DIPLOMATIC TRIUMPH OF THE OTTOMAN EMPIRE

Arkhipova Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
arkhipovakv@yandex.ru, nnsh@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The Trebizond conference is usually considered as the failed peace meeting of the Transcaucasian Sejm and the Ottoman Empire delegates. Researching the documents in the National Armenian Archive we could compare the declarations of the conference delegates with the unofficial negotiations by the delegates of the Transcaucasian Sejm.

The Ottoman Empire delegation using the military forces as well as the diplomatic experience could introduce their head as the conference chairman and determine the frames of the negotiations. Obviously the Turkish delegation insisted on two issues: the date of the Transcaucasian Republic recognition, and their borders. Both issues contradicted the terms of the Brest Treaty. The Ottoman Empire obtained the new Caucasian state to recognize the treaty previously signed without its participation.

The Caucasian delegates considered the Brest Treaty as a betrayal and refused to adopt it, but being not recognized as a state they felt no legal base to continue their policy. Consequently, they had to follow the diplomatic rules provided by Ottoman Empire delegation and to discuss the border line. But in the course of the border negotiations they could not reach the inner unity, and the interests of delegates were disintegrated. This discussion later became the base for disintegration of the Transcaucasian Republic.

As a result, the Turkish policy forced the Transcaucasian delegates to recognize: 1) the Brest Treaty; 2) the contradictory national interests within the Transcaucasian Republic. The latest fact disintegrated their military forces in the front of the Turkish army.

Key words: The Transcaucasian Sejm, peace conference, WWI, Turkey, border disputes, national interests.